

Наши публикации

П. И. КУРГАНСКИЙ

**«...ХОТЬ И УМЕРЕТЬ, ДА У СЕБЯ ДОМА, НА КУБАНИ»:
ПИСЬМА К ФЕДОРУ И ГРИГОРИЮ ЩЕРБИНЕ***

Публикуемые письма не только знакомят нас с личной стороной жизни семей бывшего премьер-министра Кубани П. И. Курганского и его близкого родственника, известного российского ученого Ф. А. Щербины, но и ярко передают атмосферу общественной жизни казачьих организаций 1920-х годов, рассказывают о примечательных судьбах кубанцев, оказавшихся на чужбине.

Ключевые слова: 1920-е годы, казачья эмиграция, Ф. А. Щербина, П. И. Курганский.

Письмо 7-е

Пишу Вам, дорогой дядя, ответ краткий на последнее письмо относительно Владимира Курганского, так как по случаю происходящей ревизии нашей дирекции не имею положительно времени дать Вам подробный ответ. Завтра она оканчивается, и я сейчас же напишу Вам.

Владимиру Курганскому я написал по последнему его адресу:

«Бугарска
Гара Кричим
руснаку Курганскому».

Это его последний адрес. Не будучи уверенным, что он и теперь там находится, я вместе с тем написал и начальнику кубанского Алексеевского военного училища (Тырново-Сеймен, Болгария) [37], которое Курганский окончил. И просил начальника училища разыскать его и передать ему нужные сведения.

О смерти отца, матери и брата я Курганскому ничего не писал, и он, по-видимому, об этом не знает. Не поднимается у меня рука сообщить ему эти сведения, хотя каждое его письмо говорит об его беспокойстве и тревоге за родителей, братьев и сестер. Пишу вам для того, чтобы Вы были бы в курсе положения, если бы Вам пришлось увидеться с Курганским.

Сообщите, если прошение свое и документы он послал Вам.

Будьте здоровы.
Ваш П. Курганск[ий].
1923 г.
Белград.

Письмо 8-е

8. III. 1923 г. Белград.

Дорогой дядя!

Вы забыли – черед писать был за вами, я все поджидал от Вас ответа, я писал Вам, что я имею большое желание специализироваться в железнодорожном деле, но не представляю, как это можно сделать, ибо, насколько я знаю, в Чехословакии специальных курсов из этой области нет. Писал

я также, что поступил бы и в университет – на какое-либо финансово-экономическое, торговое отделение, отделение, ближе всего соприкасающееся с железнодорожным правом, и т. п., а в результате, имея смутное представление о науках, преподающихся в университетах Чехословакии, предоставлял устройство своей персоны на Ваше усмотрение. Такого своего отношения я не изменяю и сейчас. Нужно, однако, иметь в виду, что теперь обстановка здесь несколько изменилась: недавно я своим ближайшим начальством «предложен повешнице», т. е. представлен к повышению, если «предлог» этот министерством будет уважен, то материальное мое положение изменится к лучшему – буду получать 1700 динар, а может, динар на 100 меньше в месяц. Жить будет легче, ибо жизнь у нас настолько вздорожала, что на те 900–950 дин[ар], которые я получаю теперь, не проживешь, динар медленно, но систематически падает, и цены на все невероятно повышаются.

Напишите мне в первом же письме, могу ли знакомить всех, кого найду нужным, с той частью Вашего письма, где вы говорите о пертурбациях, имевших место в Обществе кубанцев в Чехословакии, в частности, мог бы я огласить эту часть письма на Раде, которая, по слухам, будет создана на Пасху – должен же новый председатель выступить с «декларацией». Такое знакомство кубанцев с Вашим письмом я нахожу необходимым. Вы правы, сказавши, что провокациям насчет Вашего общества, и особенно Макаренко, нет границ и конца. Несвободны от этого и наши кубанские «официальные» круги, где нужно и не нужно поносят Ваше общество до неприличия. Знаете ли Вы, что Науменко, докладывая на последней Раде в Новом Саду о своей поездке в Прагу, сказал, что вы все там в обществе «неоказики», большевики и сменовеховцы и что порядочные люди (Аспидов [38], Налетов [39] и др.) не сочли возможным пребывание в этом обществе, вышли из него и, отряхнув прах сменовеховцев, образовали новое. Я сам не был на Раде и точных выражений Науменка не знаю, но смысл доклада таков, а Скобцов – так тот сказал, что Общество кубанцев в Праге [40] настолько разложилось, что о нем не стоит даже разговаривать. Из Вашего письма только я

*Окончание, начало см. в № 1 за 2011 год.

узнал, что новое общество даже не утверждено. Быть представителем Вашим здесь я, конечно, согласен, но могу ли быть полезным, так как я человек занятой и из Белграда отлучаться не могу. До вашего письма здесь создалось такое положение, что многие из желающих перебраться в Прагу обращаются за советами и даже «содействием» ко мне. Так, кроме Кучери, о котором я Вам писал, около месяца тому назад ко мне обратились студенты-кубанцы Люблянского университета с письмом, которым просили помочь им материально, используя для этой цели «свои связи» с Обществом кубанцев в Чехословакии. Я им ответил, что связей я не имею, дал адреса: Ваш, Макаренко и Аспидова, и сообщил, что едва ли Ваше общество может оказывать здешним студентам материальную помощь. Четвертого дня получил письмо от Чистякова Николая, сына Гавриила Степановича Чистякова, бывшего городского головы [41]. Николай Чистяков находится сейчас в Вранье на работах, чтобы поступить в какое угодно высшее учебное заведение (или курсы), продолжить свое образование. Он окончил юридический факультет, интеллигентный человек; учиться, конечно, будет. Характером смахивает на своего покойного отца, очень порядочный человек. Если можно, устройте его на какие угодно курсы. Сейчас он несет тяжелую физическую работу. Гордиенке я напишу одновременно с этим письмом. Он служит в Люблянах на пороховом заводе в качестве заведующего химическим отделом. Собирается, кажется, жениться. Получил сведения, что жена его вышла замуж за какого-то комиссара.

Поляков преподает математику в одном из донских корпусов, он великолепный математик, лучший, я думаю, на Кубани. Настолько увлекается своей математикой, что даже в дни нашего пребывания в карантине в Панчево занимался своим излюбленным предметом. Федорова [42] я не знаю. Если это тот, который служил по авиации, то его сослуживцы офицеры о нем дали такой отзыв: «большой ловчила, приспособливающийся, старающийся и умеющий извлекать для себя выгоду материальную при всяких положениях». Больше ничего о нем сообщить вам не могу.

Адвокату я написал письмо в том духе, как Вы писали. Я смотрю на его поведение несколько иначе, чем Вы. Его отказ получить долю, падающую на Вас, я объясняю тем, что его доверительница желает получить всю сумму, которую должна «Задруга», а ограничиваться получением лишь Вашей части не желает. В письме его (копию которого Вы мне прислали) много «брехни». Не писал я ему, что Вы отказываетесь от «причастности к этому делу», а писал, что Вы подписали обязательство как член «Задруги» и от имени «Задруги» и брали деньги для целей «Задруги». И поэтому не можете нести ответственности за «Задругу», что хотя платить должна «Задруга», но Вы согласны уплатить часть долга, падающую на Вас как члена «Задруги», а остальную часть должны платить члены «Задруги». В ответ на это господин Лавренчич прислал мне письмо, в котором как будто бы соглашается с этим положением, что один член «Задруги» не может отвечать за долги всей «Задруги», и просил меня переговорить по

интересующему его делу с «Задругой». Я ответил, что «Задруга» не существует, так как дела свои она ликвидировала. Естественного же вопроса: кто же такие члены «Задруги» и где они, – он не поставил. Мне кажется, что нам несколько неудобно по своей инициативе перечислять ему членов «Задруги» и показывать на них, что вот они-де, мол, тоже должны платить. Да Лавренчич, я уверен, хорошо их знает, раз это знает его доверительница. Нашел же он Тоцкого, с которого производятся какие-то удержания. Просто-напросто они решили, что Щербина человек со средствами, с него можно получить, и посему нападают на Вас. На свое последнее письмо ответа от Лавренчича я не получил. В какую бы то ни было переписку с ним, я думаю, нечего вступать.

По существу моего первого письма он никакого определенного ответа не дал. Такие возражения, как «этим моя клиентка не может удовлетвориться», несерьезны. Оспорить того положения, что Вы не ответственны за долги «Задруги», он, конечно, не может, и вот только долбит одно: «платите да платите», я дважды ему ответил, что мы согласны платить, но только за себя, а не за других, а он в ответ на это пишет письмо Вам, а мне не дает точного ответа, согласен он или нет получить Вашу часть долга. О чем же можно с ним еще разговаривать? Вероятно, человек в тайниках души питает надежду, что профессор не допустит до огласки, скандала и т. п. и в конце концов заплатит все. Иным его молчания – в смысле точного и определенного ответа на мое письмо – объяснить я не могу. В письме к Вам он, правда, говорит, «она упирает на то, что господин профессор должен нести ответственность за все требование», но ведь одного такого «упирания» недостаточно, надо же сказать, на чем построено это самое «упирание», мало ли на какие вещи и до каких размеров оно может распространяться. С Гордиенком я говорил по этому поводу, он передал генералу Мустафину (кажется, так) то же, что и я писал Лавренчичу, и этим дело кончилось, ему также генерал ничего определенного не сказал. Ну довольно об этом. Если получу ответ, сообщу Вам.

Белградско-земунская русская ситуация прежняя, политика и политика. С одной стороны, правые монархисты. С другой – большевики (так господствующая здесь черная сотня называет всех, кто не с ними и кто смеет иметь собственное суждение) обнаглели до крайности. В Татьянин день в Белграде состоялся многолюдный студенческий ужин, на котором присутствовали и профессора. За ужином по заведенному обычаю запели студенческую песню «Gaudeamus», монархисты-студенты, а таковых оказалось большинство, запротестовали против пения такой «социалистической» песни, подняли скандал, и часть студентов и профессоров должна была оставить залу. Уже по одной этой дикой выходке Вы можете судить, какая здесь тяжелая обстановка.

С Екатеринодаром я связался и веду правильную переписку, получил несколько писем и от Вадима. Напрасно Вы мне напоминаете о необходимости посылки посылать. Послал я не одну, а несколько, также посылку и Варе, так как Леля мне писала,

что она очень похудела. Думал было помочь детям Ивана Ивановича, которые, как мне писала Варя, страшно бедствуют, да пороку не хватает.

Все пишут, что Вадим окружен заботами и любовью, но все же, если только скоро я не возвращусь в Россию, хочу выхватить его отсюда. Одна дама, ехавшая из Екатеринодара в Париж через Белград, хотела было даже взять его, чтобы доставить мне, но бабушка не решилась отпустить, не зная, как я к этому отнесусь. Я вступил по этому поводу в сношения с местным отделом Лиги наций. Были бы деньги, это было бы легко сделать и быстро, но необходима большая сумма, и поэтому приходится идти медленными путями. Не помню, писал ли я вам, что Вадим уже после смерти матери перенес серьезную операцию: началось размягчение суставчика в позвоночнике, грозил горб. Варя и бабушка обратились к сообществу врачей, которые приняли участие, поместили его в санаторию и сделали операцию. Из голени вырезали косточку и вставили в спинку, рядом с позвоночником. Мальчик пролежал шесть недель и, как пишут мне, благодаря прекрасному лечению, уходу и усиленному питанию, выписался из санатории поправившимся и окрепшим. В санатории ему так понравилось, что он решил, что по окончании гимназии будет врачом, и обязательно хирургом. Учится теперь в гимназии. Пишет мне, что у них теперь в гимназии в каждой группе (классе) имеются староста, товарищ, десятские и секретарь. Он выбран товарищем старосты и секретарем. Кроме того, на уроках у него находится классный журнал, в котором он делает отметки о неявившихся на уроки, ушедших ранее окончания уроков и т. п. В чем состоят его обязанности как секретаря, не пишет. «Класс у нас, – пишет Вадим, – дружный, фискалов нет». Хотя, как Вы видите, сын мой и облечен доверием своих товарищей, но меня это обстоятельство несколько взволновало. Никак не могу решить вопроса, хороша ли такая постановка в учебных заведениях или она к хорошему не поведет. Здесь в Плетневской гимназии, мне говорили, тоже в каждом классе есть староста и его помощник, но нет ни десятских, ни секретарей. Письмо мое, которое я переслал Вам, а Вы передали Крикуну [43] для отправки бабушке Вадима, не получено бабушкой. Может, это письмо еще у Крикуна, так возьмите его обратно. Как-то казак, бывший одновременно со мной в Каторской бухте и видевший мое тяжелое состояние, когда я болел тифом, и затем вернувшийся в Екатеринодар, сообщил, что «Курганский, той шо був председателем правительства, умер от тифа». Это было еще при жизни Екатерины Степановны, но, по счастью, от нее скрыли это известие и таким образом не омрачили этой неправдой последних дней ее жизни. Вадима считали круглым сиротой, пока не получилось от меня первое письмо, обрадовавшее всех родных. Вадиму помогает многим мой свояк Друтман (отец Юрия, помните, который жил у нас два года), присылает одежду, сахар, какао и даже деньги. Судьба сложилась так, что два года его сын был на моем иждивении, а теперь вот он не забывает моего сына.

Вас также похоронили. Не могут сказать, как и откуда в Екатеринодаре разнесся слух, что Федор

Андреевич Щербина умер. И Варя была обрадована, узнав, что Вы живы и здоровы. Она служит там же, где и служила. Леля, как я Вам, кажется, писал, вышла замуж за инженера Шанько, Сережа в политехникуме и вместе с тем служит. Ну довольно. Изложил, кажется, Вам все, что у меня имеется. Ожидаю от вас ответа.

Ваш П. Кур[ганский]

Письмо 9-е

18.IX.1923 г.

Дорогой Гриша!

Пишу тебе, так как Фед[ор] Анд[реевич] занят, несомненно. И надеюсь, что ты мне сейчас же ответишь. Давно собирался написать вам, но все откладывал, пока не получил вчера письма от Вари. Она меня просит написать Ф[едору] А[ндреевичу] и разъяснить ее недоразумение по следующему поводу: недавно ей были присланы из Ростова почтой четыре нансеновских посылки. От кого – она не знает, но догадывается, что от вас. Две посылки адресованы на ее имя, а две – на ее же имя, но для передачи Ольге Майгур. Таковой в Екатеринодаре нет, и Варя в недоумении и не знает, что с этими двумя посылками делать. Посему немедленно же сообщи мне, вы ли посылали эти четыре посылки и для кого предназначены две из них, адресованные на имя Майгур. Я сейчас же Варе написал и советовал ей, если не разыщется Майгур или та сама не явится за получением их, обратить эти посылки в свою пользу. Но она совету моему не последует и будет ожидать от меня письма.

Другое дело, имеющееся к Ф[едору] А[ндреевичу], состоит в следующем: в одном из писем Варя передала просьбу к Фед[ору] Анд[реевичу] от некоего Семена Ивановича Борчевского [44] (ты его, вероятно, знаешь, он екатеринодарец, мой бывший учитель математики в гимназии). Сын его, окончивший в Екатеринодаре гимназию, находится сейчас в Болгарии, стремится попасть в Прагу, в университет, и просит содействия Фед[ора] Анд[реевича]. Я сейчас же написал ему письмо в Болгарию и просил сообщить мне подробнее о том, что он предпринял, кого просил о зачислении в университет и т. п., но ответа никакого не получил. Или письмо мое к нему не дошло, или он уже в Праге. Если трудно, узнай, пожалуйста, все что можно по поводу Борчевского и сообщи мне (он наш казак). Я этим интересуюсь потому, что отец его Сем[ен] Иван[ович] просил меня оказать его сыну материальную помощь при переезде в Прагу и, если я это сделаю, обещал со своей стороны выплатить мои расходы Вадиму. Ты понимаешь, как это устраивало бы меня? Я сумел бы, думаю, оплатить переезд, и Вадим мой там, в Екатеринодаре, получил бы поддержку деньгами, а ведь он целиком состоит на иждивении своих теток – Вари и Лидии Степановны, а последнее время и Лели, двоюродной сестры своей. Я ведь писал Вам, что Леля вышла замуж и живет очень недурно, лето провела в Железноводске, и Варя у нее там жила целый месяц – ей дали отпуск.

Варя пишет, что в Екатеринодаре закрыты вышние учебные заведения: политехникум, сельскохозяйственный институт и консерватория, оставлен только медицинский институт, который поставлен очень недурно. Ожидается в недалеком будущем перевод учреждений (каких – не пишет) в Ростов, так что «Краснодар» совершенно теряет свое значение. Пиши, как у вас обстоят дела кубанцев. У нас «высокая политика» совершенно заглохла, кроме нескольких кубанцев, которые никак без нее не могут обойтись, – таких, как Филимонов, Зверев, Скобцов, – но на них перестали обращать внимание. Науменко и Филимонов ругаются, никак не могут прийти к соглашению по вопросу о будущем политическом устройстве России. Науменко «разносит» Ф[илимонов]а «атаманскими приказами», а тот досаждают Н[ауменк]а письмами в редакцию «Нового Времени» – генералы наши ругаются. Не выписали ли Вы еще Ксении Семеновны [45]? Ну будь здоров.

Ожидаю ответа.

Твой Павел.

Письмо 10-е

Дорогой дядя!

Писал я Вам. Писал Грише, но ответов не получил; знаю, что Вы человек занятой, но Гриша мог бы мне черкнуть строчку-две. Прежде всего о Владимире: я не знаю, может ли он появиться в Новодеревянковке, я веду переписку только с Варей, которая мне сообщила то, о чем я уже писал Вам, т. е. что Иван Иванович, его сын Александр и Андрюша в начале крымской авантюры, именуемой Кубанским десантом, были арестованы и погибли все трое в Архангельском концентрационном лагере. Из этого можно вывести заключение, что фамилия наша является там одиозною. Жена Ивана Ив[ановича] умерла, сын Сергей, как писала мне Варя, служит в Армии, а сестры его повибрировали замуж, причем старшая, Анна, за коммунистом в «коммунистическом браке», при ней и малолетние братья. Сведения, впрочем, довольно стары. Около года тому назад писали мне об этом. Как и что с ними теперь, не знаю. Когда буду писать Варю, то обиняками расспрошу ее и сообщу Вам, на это потребуются приблизительно около трех недель. Письмо, посланное из Екатеринодара, я получаю на 8–10-й день. Вы Варю не пишете. Чем меньше она будет получать писем, тем лучше. В последнем письме она писала, что учреждение, в котором она служит, ликвидируется, так что она останется без места. Хотя она и пишет, что духом не падает, но меня это обстоятельство очень взволновало, так как Вадим находится на ее иждивении.

Никак не могу выцарапать Вадима, меры к этому принимал и принимаю. Тормозится главным образом отсутствием средств и недостатком энергии со стороны родни там, в Екатеринодаре. Сколько было случаев, которыми они не воспользовались! Мальчик, видно, рвется ко мне, а они все, кажется, не решаются отправить его. Опасно открыто писать им об этом, а то, что можно прочитать между строк, они или не понимают или де-

лают вид, что не понимают. В последнем письме пришлось почти открыто все написать им: переезд от Новороссийска до Варны или Константинополя стоит не так уж дорого.

Мои материальные дела средни. Вы, вероятно, знаете из газет, что здесь все иностранцы, в том числе и мы, русские, уволены с государственной службы. Всего в нашей дирекции было уволено 159 человек. Но затем сейчас же все за немногим исключением были приняты обратно: 26 человек в качестве «полезных» работников по контракту, а остальные поденно. Я оказался в числе «полезных» работников, но «улита едет», а пока мы получаем содержание «временно» по-старому, в среднем от 1500–1800 с добавочными; основное – 1350. Обещают, что по контракту будем получать больше. Это временное положение продолжается уже три месяца, все вырабатывается проект контракта. Хотя цены на все у нас увеличились вдвое-втрое по сравнению с тем временем, когда Вы здесь жили, все же, скромно расходуя, можно жить и на эти деньги и время от времени оказывать помощь Вадиму.

Я Вам, кажется, писал, что обо мне производилось следствие. В конце февраля меня вызывали в отдел по защите державы (видите, какая persona) и допросили в качестве подозреваемого, как я когда-то в бытность следователем производил допросы с соблюдением 722 ст. уст. угол. суд. Следователь был со мной любезен, особенно к концу допроса, и дал слово, что напишет благоприятное обо мне заключение, и дело будет прекращено. По-видимому, сдержал свое слово, так как до сего дня меня не трогали. В пользу мою особенно послужили два обстоятельства: то, что я казак и был на родине «человеком с положением», и то, что я не менял квартиры со дня своего переезда. Все же вся эта история достаточно-таки потрепала мне нервы. Особенно напряженные часы пережил я в день допроса. Вызвали меня к восьми часам, а оказалось, что следователь приезжает только к десяти. Когда я хотел уйти, меня не пустили, объяснив, что отсюда без допроса не возвращаются. Когда же я спросил: «А если следователь сегодня совсем не придет?», мне ответили: «Тогда Вы подождете его вон там». И указали на подвал, в котором содержатся арестованные. В первый раз в жизни я был лишен свободы. И теперь я не знаю, что же послужило основанием следствия. Следователь просит меня об этом ему «не говорить и не спрашивать его».

На пасхальные праздники я получил сюрприз от своего земляка доктора Данилова, тоже члена Краевой Рады. После праздников вызывает меня помощник шефа нашего отдела и вдруг орошает таким вопросом: «Правда ли, что в своем парламенте Вы занимали место на крайней левой, рядом чуть ли не с коммунистами?» Вероятно, изумление и испуг, выразившиеся на моей физиономии, были столь велики, что он, не дождавшись моего ответа, рассмеялся и рассказал, что на праздниках он был в Хорватии. Случайно там встретился с Даниловым, и тот из любви к искусству напел на меня черт знает что. Подумайте, какая же мерзость! Хорошо, что этот господин (помощник шефа) – человек довольно образован-

ный, разбирающийся в нашей эмиграции, только посмеялся над «сплетнями» Данилова. Я написал Данилову письмо, в котором поблагодарил его за то, что благодаря ему на меня мое начальство обратило внимание и пообещало дать мне ответственное, хорошо оплачиваемое место, тогда как до его встречи с помощником шефа я здесь был лицом совершенно незамеченным.

Как у Вас отнеслись к манифесту Кирилла [46]? У нас, вернее в верхах эмиграции, присвоивших себе, как Вы знаете, монополию на патриотизм и считающих себя до сего дня подлинными представителями России, он вызвал целую бурю. Резко проявился раскол между николаевцами и кирилловцами. Дело дошло даже до рукоприкладства. Через день или два по выходе манифеста на вокзале два офицера, один кирилловец, другой николаевец, поругались, и один другому залепил пощечину. До полиции, впрочем, дело не дошло, так как их тут же разняли. Кирилловцы проявляют теперь необычайную деятельность. Еженедельно устраивают собрания, на которых раздаются какие-то призывы, угрозы и т. п. Появился уже в Болгарии и военный агент Кирилла, какой-то генерал Обручев [47], который имеет штат писарей из трех человек, и отдал распоряжение, чтобы все офицеры зарегистрировались и каждый был записан в какую-либо часть. На днях такое приглашение было получено и студентами университета, но, как рассказывал мне один студент, запись идет очень слабо: записалось всего 18 человек и пока что желающих больше не видно. Один мой знакомый (бывший «человек», камергер двора и пр.), близко и теперь стоящий к верхам нашей эмиграции, уверял меня, что манифест Кирилла – результат подкупа большевиков, которые устроили это с той целью, чтобы внести раскол в эмиграцию, «организации» которой во всех государствах «объединились» было у нас, за самым незначительным исключением, вокруг имени Николая Николаевича. В том, что такое объединение уже произошло, он искреннее убежден.

Одновременно посылаю письмо к Владимиру. Для меня теперь написать письмо – событие, так как у нас сократили штаты, теперь несую работу, на которой до сокращения сидели три человека, так что ежедневно приходится засиживаться до позднего вечера. Ради бога, сообщите или мне или Звереву, что делать с Вашими книгами. Гриша и мне оставил порядочное количество экземпляров, и я тоже не знаю, что с ними делать. А Зверев, считая меня Вашим преемником здесь, положительно не дает мне покоя и настойчиво требует забрать их к себе. А я не знаю, что делать с теми, которые у меня. Спрашивал я вас об этом. Но ответа не получил.

Ваш Пав[ел].

Письмо 11-е

5. X. 1923 г.

Дорогой дядя!

Я, кажется, в предыдущем письме писал вам, что служу на том же месте. Последнее время положение мое улучшилось и в материальном отношении

(«унапрезен», т. е. получил высшее звание, а главное – прибавку денежную) и в моральном, так как из затеи об объявлении меня «неблагонадежным» и выслать ничего не вышло (пока, по крайней мере), но пережил я очень и очень неприятные дни. Все-таки беспокойно как-то живется. Последнее время – не знаю чем объяснить – вся наша черносотенная сволочь затихла и не проявляет себя. Три месяца тому назад мне представлялся случай перейти на службу в банк с приличным сравнительно с моим теперешним окладом жалованьем, но я побоялся разорваться с казенной службой, ибо она является более надежной в смысле защиты от наших господ-бандитов. Раньше я по Вашему совету, преподанному в предыдущем письме, держался пока своей службы, если, конечно, нельзя устроиться в Чехословакии. А ехать к Вам, чтобы там искать себе заработка, которого можно и не найти, как Вы пишете, – не стоит. И здесь потерю заработка, и там могу не найти.

Сообщите, пожалуйста, как и когда предполагает ехать Ксения Семеновна? Не могла ли бы она, действительно, захватить Вадима. Он обузы для нее не составил бы. Мне пишут, что его теперь и узнать нельзя: так, из Геленджика, где он летом был в санатории, он приехал один. Сверстники по классу избирают его всегда в правление, разные организации и т. п.

Сообщите также (а если Вам некогда, то пусть Гриша напишет), сколько будет стоить переезд, потому что здесь никто ничего по этому поводу не знает, а Гриша, вероятно, все эти сведения уже собрал.

На днях к одному нашему офицеру-кубанцу явилась супруга из Екатеринодара – фамилия супруга Осетров, линеец. Она доехала до румынской границы, затем на бочке переплыла Днестр, добралась до Кишинева. Также нелегально ночью перебралась через границу из Румынии в Сербию и явилась к супругу, голодная, оборванная и без гроша в кармане. На такой ее переход из России в Сербию она употребила несколько месяцев. Дорогой сплошь и рядом приходилось питаться соками кукурузных листьев... и имеет вид здоровой крепкой женщины. Просто не верится даже, что она могла таким способом достигнуть своей цели.

Что это [за] сельскохозяйственный съезд был там у вас? Члены правления этого общества (о чем нам известно из газет), кажется, не совсем свободно и безошибочно могут отличить яровой хлеб от озимого?

У нас на «Югославянской Кубани» событий никаких. После «правительственного кризиса» не произошло ни одного события, насколько я знаю, заслуженного быть отмеченным. Тяга наших казаков на родину прервалась, с наступлением весны начнется снова. Петр Иванович Кокунько перенес операцию (геморрой), лежал в Панчево, жалуется, что материальное положение его плохое, так как за комиссарство он получает 1200 динар, а на эту сумму вдвоем при нынешних ценах, действительно, не проживешь. Если пребывание наше за границей затянется, то положение его с женой будет очень скверное.

Будьте здоровы. Жду от Вас скорого ответа.

Ваш Павел.

Письмо 12-е

28.V.1925

Дорогой дядя!

Получив Ваше письмо и копию заявления Пашичу [48], я сейчас же сообщил их Петру Ивановичу. Как раз на другой день после получения от Вас письма Петру Ивановичу удалось увидеться с одним из близких к Пашичу людей. Этот господин обещал переговорить с Пашичем и устроить Петру Ивановичу свидание с ним, так что Петр Иванович несколько ожил и приободрился, находится в ожидании, но до сих пор свидание не состоялось. Я плохо верю в возможность перевозки регалий. Очень уж горячо взялись за то, чтобы удержать их здесь, господа непрошенные радетели Кубани, и зорко следят за всем. Да и наши общерусские эмигрантские представители, которые все же имеют здесь вес, настроены против перевозки как наших кубанских «верхов» (Филимонов, Фендриков и К°), так и некоторых членов делегации (Белый и Звягинцев), а Петр Иванович остался один. Дело это получило уже широкую огласку. В одном из предыдущих писем я довольно подробно изложил положение вещей. Оно осталось прежнее, с той лишь разницей, что о несогласиях, протестах и пр. стало хорошо здесь известно и Военному ведомству, которое насторожилось и, несомненно, боится выпустить регалии. Окончательно вопрос этот будет решен Пашичем, когда он примет Петра Ивановича, но когда это будет, – сказать трудно. Положение Петра Ивановича по-прежнему остается тяжелым, но появилась надежда, что материальное положение его должно несколько улучшиться. В прошлом месяце у нас состоялось собрание уполномоченных нашего Кубанского союза под моим председательством. И мы Петра Ивановича выбрали председателем правления, положив ему содержание наибольшее, но денежные дела союза стали довольно плохи, так что П[етр] Иван[ович], по своей деликатности, до сего времени жалованья себе не выписывал. В последние недели дела союза начали несколько поправляться, а значит, и Петр Иванович будет иметь возможность получить некоторую помощь. Мы, как я Вам писал, состояли с ним в ревизионной комиссии, но затем, за неимением свободного времени, я сложил полномочия.

В марте меня снова «запрягли». Здесь, в Белграде, образовалась новая кубанская станица, меня выбрали и заставили в ней атаманствовать. Петр Иванович, Зверев и др. обещали свою помощь. Петр Иванович читает нашей станице лекции на темы из истории казачества. Первые две лекции он прочитал на тему «Кзаки скифского периода». В воскресенье состоится третья лекция «Черты казачества по былинам». Кзаки интересуются и с большим вниманием слушают его. Централисты не особенно довольны лекциями Петра Ивановича, так как в своем предисловии, говоря о взаимоотношениях между Россией и казачеством, он наговорил много неприятных для них вещей. Употреблял, например, такие выражения, как «издевательство» Центральной власти над казачеством. Кстати, Петр Иванович писал Петру Леонтьеву

и просил его выслать кое-какие книги, но до сих пор не получил от него никакого ответа. Может, Вы переговорите по этому поводу с Петром Леонтьевичем, пусть он хотя [бы] ответит Петру Ивановичу, если высылка книг – вещь неосуществимая. Точно так же ни Вы, ни Петр Леонтьевич мне ничего не ответили по поводу того, получены ли Вами (и сколько) деньги, которые высылали на перевозку регалий. Из Вашего письма можно только догадываться, что деньги получены. Сообщите мне о получении денег, хотя открыткой, так как неизвестность меня несколько беспокоит.

Вадим приехал еще в конце февраля. Свалился как снег на голову. Один приехал из Казани, с останковкой в Москве, по выезде из нее на 11-й день был в Белграде и явился неожиданно для меня прямо ко мне в Дирекцию железных дорог, где я служу. В жизни, кажется, никогда не переживал такого нервного потрясения, как пережил я в этот день. Я его сразу даже не узнал, так как от меня скрыли, что болезнь его, о которой я вам писал, оставила следы – позвоночник у него искривлен. Горбатым его назвать нельзя, но фигура испорчена – резко выраженная сутулость. На меня это произвело ужасное впечатление. Теперь я как-то привык к этому, тем более что сам он как будто не особенно удручен этим и выглядит жизнерадостным юношей. Доехал он не без приключений. Прежде всего, у него оказалась не в порядке белорусская виза, так что с границы он должен был возвратиться в Минск и жить там три дня, пока не добился новой визы. В Вене меняли ему паспорт, а советский отобрали. В Мариборе его задержали и продержали на вокзале два дня, пока сносились с Белградом. Отобрали было у него документы и деньги, но затем возвратили, когда получилось разрешение из Белграда. Ночевал он в Мариборе на вокзале, на скамейках, так как отлучки в город ему были запрещены, но, в общем, оказался молодцом, не потерялся и, когда было нужно, упорно и энергично отстаивал свои права. Я никак не ожидал от него такой прыти. Сейчас учится в Плетневской гимназии в 4-м классе [49], был в 6-м в России, а здесь приняли только в 4-й – не знает сербского языка. Уже и здесь избран в редакционную коллегию по изданию школьного классного журнала, в котором и сам помещает свои статьи на тему «Картинки из жизни в Советской России». Классный наставник его мне говорил, что этими статьями он, преподаватель, очень доволен и с наслаждением все их читают (классный наставник преподает русский язык). Благодаря этим статьям Вадим приобрел горячего себе сторонника и покровителя в лице классного наставника. Статьи Вадима, действительно, мне кажется, отличаются красивым слогом, а главное – указывают на то, что он мальчик очень наблюдательный. Приезд Вадима тесно связан с моей женитьбой. Я действительно «одружился», как вы пишете. История этого события такова: Варя в прошлом году была «сокращена» и осталась без средств к существованию, а тут еще сидел у нее на шее Вадим. Помочь им я много не мог. Тогда вдова Гречишкина (Вы с ней были здесь знакомы), урожденная Чернова (она племянница известного Викт[ора] Чернова [50], но ни она, ни отец

ее ничего общего с ним не имеют), предложила мне отправить Вадима к ее родителям в Казань. Сначала я отказался, неловко как-то было, но чувство отца побороло стыд, и Вадим переехал в Казань в ноябре прошлого года. А я здесь «одружился» с Анной Сергеевной. Она медичка 3-го курса и также служит «школьным лекарем», т. е. помощником врача в одной из белградских школ. Служба у нее очень хорошая, идет на службу и возвращается домой тогда, когда она находит для себя это удобным. Так что она свободно успевает и дома по хозяйству, готовить обеды и пр. С Вадимом пока очень дружны, не знаю, как будет дальше. Молода только она для меня. 30 января исполнилось ей 27 лет. Отец ее, бывший крупный коммерсант, имевший свое пароходство на Волге, теперь, конечно, обеднел. Недавно возвратили ему только дом в Казани. Служил у большевиков в качестве «спеца», занимал должность [в] «Главрыба» на Волге, но сейчас бросил и опять занялся небольшой коммерцией. Он выхлопотал Вадиму разрешение на выезд, поручился за него, снабдил деньгами и переправил его сюда. Из Краснодара Вадим выехать едва ли мог бы, во-первых, потому что из казачьих краев, как районов контрреволюционных, с трудом выпускают и с неохотой, во-вторых, потому что он сын Курганского. Под чужой фамилией он лежал и в лазарете, когда ему делали операцию, хотя главный врач знал, кто он, но скрыл его фамилию от других и велел Вадиму молчать о том, что он мой сын.

Вадим мне рассказал и о той участи, которая постигла Андриюшу. Его, оказывается, расстреляли, только за то, что он мой брат. Приставили к стенке и в упор из револьвера убили выстрелом в лоб. С Варей я переписываюсь, жизнь ее тяжела. Пишет, что в Екатеринодаре еще с марта начал ощущаться недостаток в хлебе. Зарабатывает она средства шитьем. Просила меня прислать ей журнал мод. Я купил, послал бандеролью, но из Москвы мне возвратили, так как де журналы эти не нужны для СССР, а в магазинах они продаются открыто. Но цены на них столь высоки, что Варя не в состоянии их купить.

Живу я теперь в Белграде, адрес мой таков: «Б-д, Хаши-Милентиева ул., бр. 2-А», на этот адрес и пишите. Шлет Вам привет Анна Сергеевна. Вадим обнимает и целует вас.

Ваш П. Курганский.

Письмо 13-е

[1925 г.]

[Начало письма не сохранилось. – В.Ч.] ...в Россию, я сорвусь с места и побегу. Наконец, сумею ли я справиться со своим делом, не разнится ли уголовный закон и процесс в Чехии от наших Судебных Уставов? Я этого не знаю, а хотелось бы оправдать доверие, раз меня могут устроить. Прибавьте к этому незнание языка. Им можно, Вы пишете, овладеть, но на это тоже нужно время. Все эти обстоятельства меня, повторяю, очень смущают, но как бы мне хотелось перебраться к Вам в Чехословакию! Я потерял было всякую надежду, но Ваше письмо опять подняло у меня

настроение. Вадим от переезда к Вам тоже только выиграл бы. Он мечтает и теперь заканчивать образование в Праге. Ехать в Прагу к Вам всей семьей – едва ли осуществимая затея по своей громоздкости, но на семейном совете мы решили, что мне одному ехать в Прагу можно и даже должно, посему, если визу можно достать, то Вы предпримите в этом направлении шаги. Я говорил уже со своим начальством, и мне обещан в августе месяце непродолжительный отпуск. На эту часть моего письма ожидаю ответа хотя бы открыткой.

О своем плане перевозки ценностей наших ничего не могу пока сообщить, так как вот уже месяц не видел Науменко и не знаю теперешнего его настроения. А он человек, я бы сказал, не совсем настойчив[ый] в своих решениях, колеблющийся, а главное – подвержен влияниям окружающих. А эти лица почти все, как Вы знаете, против перевозки. Надежда на то, что последнее время черносотенные круги все больше и больше теряют здесь свое значение и с ними перестают считаться. И такая конъюнктура отражается на наших кубанских кругах. Непримиримость по отношению к Праге значительно упала. Как на пример укажу Вам на приезд сюда Маслова [51]. Когда он приехал в 1923 г. и хотел сделать доклад в закрытом заседании, явилось всего трое. Публичного доклада сделать ему не позволили, и он должен был выехать. А вот вчера на закрытое заседание (вход по повесткам), когда он читал доклад «Политика и экономика Сов[етской] России», явилось около 100 человек. А на сегодня ему предоставили даже аудиторию в Университете для публичной лекции – вещь положительно невозможная два года тому назад. Как только увижу Науменко, буду разговаривать с ним по Вашему указанию. Топорков здесь, но с ним одним не хотелось бы говорить.

Поздравьте от меня Владимира и передайте ему сердечные пожелания всего наилучшего. Между прочим, Вадим мне рассказывал, что младшие братья Владимира – Николай (ровесник Вадима) и Павел – поступили в комсомол, вынужденные к этому материальной нуждой, и теперь живут не нуждаясь. Если Владимир об этом ничего не знает, то, может быть, не стоит ему об этом и говорить, чтобы не расстраивать его.

Недавно я получил из Албашей письмо от неизвестного мне лица, какого-то доброжелателя, и в письме он сообщает о хуторе так: все постройки, амбар и сараи проданы на снос, указывает и лиц, кто купил. Сад вырублен, так что «скотина там теперь пасется». Огороду забрали иногородние из станицы Староминской, так как свои отказались взять. В доме пока живут несколько семей большевиков, но дом разваливается. Скот частью продан, а частью роздан. Лошади были в исполкоме, а затем их променяли проезжим цыганам. Метель и вещи – разыграли в лотерею. Характерно, что и постройки и вещи разобрали исключительно иногородние, ни один казак ничего не взял. Об этом мне писала и Варя, но не так подробно. Она по-прежнему без места, перебивается шитьем. Адрес ее такой: Краснодар, Октябрьская (б. Посполитковская) ул., д. № 6, Зое Федоровне Шанько для Варвары Ивановны. На адрес квартиры Вари писать нельзя. Я, кажется, Вам писал, что она

просила меня выслать ей модные журналы. Я ей выслал, но из Москвы возвратили их мне. Теперь я посылаю ей картинки в конвертах, но не знаю, доходят ли. Не могли бы Вы выслать? Очень и очень этим ей бы помогли, так как купить их она не в состоянии. Леля живет с мужем в Тифлисе, в каждом письме она и Варя справляются о Вас и шлют Вам привет.

О книгах, нужных для Вас, я навел справки и сообщу, как получу ответ. Будьте здоровы. Целую Вас я и Вадим, А[нна] Сер[геевна] кланяется.

Павел.

Письмо 14-е

Посылаю Вам, дорогой дядя, на Ваше имя приветствие по случаю празднования десятилетия Рады. Вы так поздно дали знать, что я положительно не имею возможности созвать станичный сбор и посему посылаю приветствие не в форме приговора, а в форме прилагаемого письма. Если текст его Вы найдете неудачным, измените его, насколько это будет возможно, с оставлением общего содержания.

О праздновании, кому имел возможность, дал знать, в том числе и нашему Кубанскому Представительству в Югославии.

В воскресенье, 16 октября, кубанская наша станица в Белграде праздновала кубанский войсковой праздник. Молебен по случаю донского и кубанского казачьих праздников служил сам патриарх, любезно согласился. После молебна состоялась хлеб-соль, на которой было нас 1115 человек; за теснотой пришлось в день праздника многим отказать. В этом году праздник наш посетил и Войсковой Атаман, а сербская печать отметила праздник. Одну из вырезок посылаю Вам. Для меня эта заметка явилась полной неожиданностью. В самом начале ко мне, как главе праздника, обратились два сотрудника газеты с просьбой дать им возможность и место присутствовать на празднике; с радостью им было это предоставлено, и больше я никаких разговоров с ними не вел.

Анна Сергеевна и Вадим шлют Вам привет.

Целую Вас, Павел К[урганский].

25. X. [1]927 г.

Письмо 15-е

Дорогой дядя!

Великое спасибо Вам и Петру Леонтьевичу за поддержку Петра Ивановича. Вы спасли его от самоубийства: это я говорю Вам без преувеличений, да Вы и сами в этом убедитесь, когда я Вам передам поведение Петра Ивановича: кажется в среду, на прошлой неделе, неожиданно для меня, когда я занимался в Управлении дороги, явился ко мне Петр Иванович. Вид его меня необычайно обескуражил: бледный, осунувшийся, глаза блуждающие. Он заявил, что пришел ко мне по делу, и буквально прерывающимся голосом, с видом человека, решившегося на что-то важное, начал говорить, что он решил дальше устроить

свою жизнь так: отправить Надежду Карловну [52] в Петроград, а самому здесь покончить счеты с жизнью. Но прежде просит меня принять от него некоторые бумаги и документы с тем, чтобы я все это передал после его смерти по его указанию, и добавил, что, если я согласен на это, то он завтра же вручит мне все, что, по его мнению, необходимо сохранить для потомства, Кубани и т. п. Можете себе представить мое состояние. Увидевши, что всякие уговоры, утешения и т. д. бесполезны, я только сказал ему, что вечером к нему зайду, а сам побежал к Звереву и нашей кубанской интеллигенции. Но эти господа дальше восклицаний «ах» да «ах» и разговоров, что нужно собраться, обсудить, сделать самообложение, не пошли. Кончилось тем, что мы с Анной Сергеевной поделили свои остатки денег, на которые мы предполагали жить до 1-го числа, и я половину вручил Петру Ивановичу. Сначала он не хотел брать, замечая справедливо, что это не решение вопроса, что это оттяжка и т. д., но затем взял. И вот в это время я получил от Вас письмо. Когда Анна Сергеевна и Вадим сейчас же повезли ему его, то старик дважды, прочитавши письмо, принимался рыдать. Деньги Ваши П[етр] Ив[анович] получил, выглядывает молодецкато и разговоров о передаче им бумаг не подымает. В этой истории возмутило меня поведение нашей интеллигенции, такой сладкоречивой на собраниях, а на деле...

Вспомнился мне другой случай по поводу этого же Петра Ивановича: перед Пасхой на станичном сборе возглавляемой мной станицы правление предложило собрать по подписному листу денег, чтобы дать возможность нашему старому заслуженному генералу Кокунько встретить праздник. На сборе были казаки, и старики, и молодые («хлопці»), и буквально в течение получаса было собрано 500 с лишним динар. Видели бы Вы, с какой готовностью все опустили руки в карманы и, не рассуждая о «целесообразности», понесли динары.

Петру Ивановичу действительно не везет, потому, что он казак, и за его резкость в суждениях — ему отказывают. Надежда была на то, что Кубанский Союз его поддержит. Есть там теперь немного и денег, но Вы знаете Петра Ивановича — не возьмет он денег, пока Союз не расплатится с долгами. А бывший председатель Союза Лысенко [53] оказался изрядным жуликом, позабрал деньги, а Союзу оставил долги...

Меня, как и Вас, удивляет, что не все Ваши письма я получаю. Что это значит?

Примечания

37. Кубанское военное Алексеевское училище (Екатеринодарская школа прапорщиков) основано в декабре 1915 г. Впоследствии ему присвоено имя создателя Добровольческой армии генерала М. В. Алексева. В 1920 г. училище эвакуировано на о. Лемнос, в 1921-м переведено в Болгарию в казармы 30-го Шейновского полка (г. Тырново-Сеймен). В эмиграции было два выпуска (1921, 1922), тогда учебное заведение возглавлял казак ст-цы Роговской, воспитанник Николаевского

кавалерийского училища, георгиевский кавалер, полковник Олег Иванович Лебедев (1892–1973), получивший в эмиграции воинское звание генерал-майора и служивший далее в вооруженных силах Болгарии, Франции, США.

Перестав быть учебным заведением, Алексеевское училище превратилось в кадрированную часть Кубанской казачьей дивизии и просуществовало до 1931 г.

38. Аспидов Федор Тихонович (1888–1937) – казак ст-цы Темижбекской. Выпускник в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии (Москва). Член Кубанской краевой Рады и Кубанской законодательной Рады. Избирался товарищем председателя Верховного круга Дона, Кубани и Терека (1919). С 1921 г. в эмиграции, жил в Праге. Здесь был членом правления Общеказачьего сельскохозяйственного союза, Объединения земских и городских деятелей, секретарем Общества кавказоведения, председателем Студенческого союза. Похоронен на Ольшанском кладбище.

39. Налетов Владимир Иванович (1884–1924) – казачий полковник, зам. председателя Краевой Рады, жил в Чехословакии в городке Пршибрам. Один из основателей и сотрудников Общеказачьего сельскохозяйственного союза.

40. Общество кубанцев в Праге – наиболее влиятельная и многочисленная внепартийная казачья организация кубанцев за рубежом, возникшая в 1921 г. Во главе ее стоял П. Л. Макаренко, а духовным лидером считался Ф. А. Щербина.

41. Чистяков Гавриил Степанович (1867 – ?) – городской голова г. Екатеринодара (1900–1907). По некоторым сведениям, с 1920 г. пребывал в эмиграции. Его жена, не выдержав унижений и нищеты, покончила с собой в Краснодаре в 1930 г.

42. Федоров Сергей Алексеевич (1891–1946) – в годы Гражданской войны командующий Кубанским казачьим воздухоплавательным дивизионом, в эмиграции – казачий журналист, секретарь Союза кубанских писателей и журналистов, возглавляемого Ф. А. Щербиной. В 1945 г. захвачен советской контрразведкой «Смерш» и расстрелян по приговору военного трибунала.

43. Крикун Савка – бывший член Кубанской Рады. После окончания Гражданской войны остался на родине. В начале 1920-х по заданию ЧК выезжал в Прагу и другие центры эмиграции для разведывательной и подрывной работы в казачьей среде, о чем открыто предупреждала зарубежная пресса.

44. Борчевский Семен Иванович (1863–1945) – известный кубанский краевед, член Общества

любителей изучения Кубанской области со дня его основания, впоследствии профессор Краснодарского института виноградарства и виноделия.

45. Шаповалова Ксения Семеновна – сестра покойной жены Ф. А. Щербины.

46. Великий князь Кирилл Владимирович возложил на себя звание блюстителя престола в 1922 г., а в 1924-м принял титул императора, с чем не согласились многие влиятельные монархисты.

47. Обручев Николай Афанасьевич (1864–1929) – генерал-лейтенант (1915), военный представитель «Августейшего Блюстителя Государева Престола вел. кн. Кирилла Владимировича Романова» в Белграде.

48. Пашич Никола (1845–1926) – выдающийся югославский политик и дипломат, идеолог «Великой Сербии». Дважды занимал пост мэра Белграда, пять раз назначался премьер-министром Сербии, три раза – премьер-министром Королевства сербов, хорватов и словенцев. Был очень влиятелен в 1921–1926 гг., когда в страну хлынул поток русских беженцев.

49. Русско-сербская гимназия В. Д. Плетнева открылась в Белграде в ноябре 1920 г. Считалась одной из лучших в русском зарубежье.

50. Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) – один из основателей и идеолог партии эсеров. После февральской революции стал министром земледелия во Временном правительстве Керенского. Был председателем Учредительного собрания, разогнанного в 1918 г. Жил (с 1920 г.) в Эстонии, Германии, Чехословакии. С 1941 г. – в США.

51. Маслов Сергей Семенович (1887– не ранее мая 1945) – экономист, политик, публицист, видный деятель кооперативного движения, был в эмиграции с 1921 года. Редактировал сборник «Крестьянская Россия», являлся одним из учредителей Союза русских писателей и журналистов. Выпустил книги «Россия после четырех лет революции» (Париж, 1922) и «Колхозная Россия» (б. м., 1937). Во время Великой Отечественной войны встал в ряды Сопротивления, был пленником немецкого концлагеря, откуда после освобождения депортирован в СССР, расстрелян по приговору военного суда.

52. Надежда Карловна – супруга генерала П. И. Кокунько.

53. Лысенко Андрей Моисеевич (1875–1955) – бывший атаман ст-цы Пашковской, в конце жизни стал священником Русской Православной Церкви в Рио-де-Жанейро.

Публикация и комментарии В. К. Чумаченко

P. I. KURGANSKYI. «...IF I DIE, THEN AT LEAST AT HOME, IN KUBAN»: LETTERS TO FEDOR AND GRIGORYI SHCHERBINA

The published letters not only let us know the private aspect of life of ex-premier of Kuban P. I. Kurganskyi and his near relation, the famous Russian scientist F. A. Shcherbina's families, but also brightly reproduce the atmosphere of social life of Cossack organizations in 1920-s. These letters tell about notable fates of citizens of Kuban who found themselves in foreign land.

Key words: 1920-s, Cossack emigration, F. A. Shcherbina, P. I. Kurganskyi.